

которая, проанализировав повесть «Михаил», писала: «Не вспоминался ли Достоевскому этот высоко оцененный им художественный образ чистого юноши, оставившего семью и в одежде послушника в монастырских стенах ищущего ответа на свои поиски правды и цели жизни, когда он создавал Алешу Карамазова, отмеченного поэтическим обаянием?».¹⁰

И. А. БИТЮГОВА

ДОСТОЕВСКИЙ — РЕДАКТОР СТИХОТВОРЕНИЙ В «ГРАЖДАНИНЕ»

В пору редакторства в «Гражданине» (с 1 января 1873 г. по 22 апреля 1874 г.),¹ как свидетельствуют переписка Достоевского с авторами и ряд сохранившихся рукописных текстов их стихотворений с его поправками, работа над поступающими в журнал материалами для рубрики поэзии в основном выполнялась Достоевским. В исключительном, наиболее ответственном случае, редактура записанного под диктовку умирающего Ф. И. Тютчева его женой стихотворения «Наполеон III» («Гражданин», 1873, 8 января, № 2) была поручена А. Н. Майкову.

Большинство авторов стихотворений, печатавшихся в «Гражданине», были знакомы Достоевскому, и он, как известно, общался с ними лично или вел с ними переписку. Так, с Вс. С. Соловьевым (сыном историка), своим восторженным поклонником, писатель познакомился 1 января 1873 г. Недавно закончивший юридический факультет Московского университета, юный тогда поэт, отдельные лирические стихотворения которого ранее печатались в «Пчеле», «Московских ведомостях», «Русском вестнике», «Заре» и «Вестнике Европы», а впоследствии популярный исторический романист, Вс. Соловьев явился для Достоевского олицетворением той части молодежи, которая, по его представлениям, была наиболее близка ему в своих философских и нравственных исканиях. В 1873—1874 гг. они виделись очень часто. По воспоминаниям Вс. Соловьева, он спешил к Достоевскому «каждую свободную минуту», а если не бывал у него «в продолжении недели», то тот уже «пенял» своему молодому другу.² Иногда при этих встречах Вс. Соловьев читал свои стихи и под свежим впечатлением разговора о них с Достоевским вновь переписывал их.

¹⁰ Нечаева В. С. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Эпоха», с. 134.

¹ В № 16 «Гражданина» от 22 апреля 1874 г. было объявлено, что «с настоящего номера Ф. М. Достоевский по расстроенному здоровью принужден [...] сложить с себя обязанности редактора журнала», но некоторые публикации этого номера, в частности стихотворения, явились завершением начавшего печататься при Достоевском. Далее до конца 1874 г. стихи в «Гражданине» были помещены лишь дважды (в № 41 и 51).

² Соловьев Вс. Воспоминания о Ф. М. Достоевском. СПб., 1881, с. 11.

После одного из таких свиданий 24 января 1873 г. он сообщал Достоевскому: «...вчера, выходя от Вас, я еще на Вашем дворе поправил понравившееся Вам стихотворение, но было уже поздно возвращаться. Вот что у меня вышло:

Побледнели уж краски заката,
Звезды первые слабо зажглись,
И давно соловьиные песни
В тихий сумрак с кустов полились.

Нету сил наболевшему сердцу
Обвинять за уснувшие муки,
И к тебе, обливаясь слезами,
Простираю я трепетно руки.

Не знаю, как Вам покажется эта поправка».³ Стихотворение было опубликовано в «Гражданине» 17 декабря 1873 г. (№ 51) с отличиями во второй, третьей, четвертой и шестой строках, несколько меняющими ритмическую и речевую тональность и мотивировку переживаний:

Звезды первые слабо зажглись,
Слышиу я — соловьиные песни
Под навесами лип раздалися

Дня протекшего взвешивать муки

Кому принадлежат эти исправления, сказать трудно. Скорей всего, в данном случае — все же самому поэту, может быть, с учетом замечаний Достоевского. О роли Достоевского как редактора более явно говорят сохранившиеся автографы стихотворений Вс. Соловьева «К ясному небу восходит / Утра морозного пар» и «Я помню, стонала и выла метель за окном».⁴ Достоевский выбрал для публикации только одно из этих стихотворений — первое, озаглавив его «Зимнее утро» и поставив под ним своей рукой подпись (*Вс. С—в*), и отредактировал его заключительную строфу, в третьей строке которой густо зачеркнул последнее слово и вставил определение «какие», придающее интонации фразы большую естественность и плавность:

— Маня, вставай поскорее,
Да подходи-ка ко мне —
Видишь *какие* цветочки [*нрзб*]⁵
Вышли на нашем окне!⁶

³ ГБЛ, ф. 93.II.8.122.

⁴ Там же.

⁵ Здесь и ниже исправления Достоевского выделены курсивом, вычеркнутые им слова заключены в квадратные скобки.

⁶ ГБЛ, ф. 93.II.8.122.

Эта небольшая поправка способствовала общей выдержанности ритмического рисунка стихотворения, опубликованного в «Гражданине» 12 ноября 1873 г. (№ 46). Отклонил Достоевский, восприняв как не предназначенную для печати лирическую иллюстрацию к впечатлениям во время путешествия, и стихотворение Вс. Соловьева «Чуть шепчутся в полдень горячий / Лазурные воды Лемана», посыпая которое, тот писал 12 (24) июня 1873 г. из Женевы: «...устал страшно, а поговорить с Вами все же хочется, хочется еще, по несчастной привычке, сказать Вам то, что пригрезилось мне вчера на озере. Как Вы это найдете?! Разорвете или напечатаете к моему приезду?». С другой стороны, в подборке со стихотворением «Побледнели уж краски заката» Достоевский дал еще два понравившихся ему стихотворения Вс. Соловьева: одно со столь ценимыми им воспоминаниями о прошлом (ср. «Дневник писателя» за 1877 г., июль—август, гл. 1, § 1), навеянными посещением родных мест («Старый домик под тенью берез»), и второе, не очень оригинальное по поэтической фактуре, но отражающее диалектику «души», ее переходное состояние:

Разбиты старые кумиры,
Забыты старые виденья,
И звуком обветшалой лиры
Уж их не вызвать из забвенья.
Напрасно мир волшебной грезы
Еще порою в сердце рвется —
Не закипят былые слезы
И вдохновенье не проснется!
В мир прежних грез слабеет вера,
А новый мир еще далеко —
Кругом смятенье, нету меры,
Душа тоскует одипоко...

Еще более активное участие принимал Достоевский в отборе и редактуре стихотворений начинающей поэтессы Л. Папковой (из более поздних ее публикаций у А. Мезьер зарегистрирован рассказ «Великолепные орхидеи» — Вестник Европы, 1900, № 6). В обнаруженном в архиве Пушкинского дома направленном Л. Папковой Достоевскому списке с переведенным ею стихотворением «Лорелея. Из Гейне» и собственным ее стихотворением «Когда ты лжешь — не трать искусства...» перевод из Гейне перечеркнут, т. е. сразу же отвергнут Достоевским.⁸ Вместо этого перевода, изобилующего трафаретными оборотами, вроде «дивной блестит красотою» или «чудную песню поет», в «Гражданине» 7 мая 1873 г. (№ 19) были напечатаны два более лапидарных перевода Л. Папковой из Гейне — «Жизнь — это знайный летний день...» и «Ночка темная, непроглядная...». Извещая Достоевского 8 июля 1873 г. о своем отъезде в Уфимскую губернию и

⁷ Там же.

⁸ ИРЛИ, № 29557.

прося «позволения присыдать иногда» свои стихотворения, Л. Папкова добавляет: «Кстати, посылаю Вам свое новое стихотворение, к которому я прошу Вас отнестись с такою же строгостью, как относились Вы к моим прежним произведениям». ⁹ Приложенное стихотворение «Вслед за мгновением мгновенье...» Достоевский подверг правке, подбирая вместо неудовлетворявших его или слишком общих выражений ряд более значимых и точных: ¹⁰ к строке 4-й «Нам рану новую родит» присоединен вариант «Нам горе новое дарит»; над следующей, 5-й, строкой после «Но» начато и не окончено «каждый раз»; в 6-й строке вместо избитого сочетания «Источник счастья» поставлено «Источник силы»; 7-я строка «Чтоб уладить земное горе» заменена сначала на «Чтоб утолить людское горе», затем на «Чтоб облегчить людское горе»; глагол «слетает» из 8-й строки имеет варианты «сни-ходит», «является». После первых двух строк стихотворения рукой Достоевского обозначена подпись (Л. П—ва), а последняя, напыщенная и лишняя, на его взгляд, строфа отчеркнута и намечена к сокращению.¹¹ Окончательно обработал Достоевский стихотворение, переписав его начисто на листе с присланным Вс. Соловьевым стихотворением «Зимнее утро»:

Вслед за мгновением мгновенье,
Во вслед за часом час бежит,
И сердца каждое биенье
Нам рану новую сулит...

Но с лаской тихою во взоре —
Источник силы и чудес! —
Чтоб утолить земное горе,
Любовь слетает к нам с небес! ¹²

Оба стихотворения помещены в одном и том же номере «Гражданина» от 12 ноября. Судя по приписке в письме Л. Папковой, сви-

⁹ ГБЛ, ф. 93.II.7.67.

¹⁰ Первоначальный текст Л. Папковой:

Вслед за мгновением мгновенье
Во след за часом час бежит,
И сердца каждое биенье
Нам рану новую родит.

Но с лаской тихою во взоре,
Источник счастья и чудес,
Чтоб уладить земное горе,
Любовь слетает к нам с небес.

И снова грудь свободой дышит,
Смолкает голос жгучих мук,
И вдохновенье ярко пышет,
И вновь рождается стройный звук.

¹¹ ГБЛ, ф. 93.II.7.67.

¹² ГБЛ, ф. 93.II.8.122.

детельствующей о том, что она и ранее полностью полагалась на редактуру Достоевского, он так же поступал и в предшествующих случаях, доводя правку до конца и вряд ли возвращая с этой целью автору ее стихотворения (что находит подтверждение, как увидим ниже, в последовательности самой этой правки вплоть до завершения ее в печатных текстах). Следы существенной редактуры Достоевского несут на себе автографы стихотворений Л. Папковой «Когда ты лжешь — не трать искусства...» и «Когда вокруг меня несется говор смутный...» (последнее было послано вместе с записанным ниже на том же листе стихотворением «Ветер дует, / Жалобно свистя...»¹³ не принятым Достоевским в журнал). Редактируя первое из этих стихотворений,¹⁴ Достоевский особенно заботился об афористической выразительности концовки, конкретизирующей описание человеческих взаимоотношений образной параллелью из мира природы. Сначала правка коснулась 2-й строфы в целом:

Напрасен взглядов жгучий пламень,
[И сердца] Себя ты попусту не мучь...
Напрасно на надгробный камень
[Порой льет] Шлет солнце [теплый] свой горячий луч.¹⁵

Над самим кульминационным сравнением Достоевский размышлял, даже уехав в Москву, где 4 апреля 1873 г. зафиксировал в записной тетради новый вариант заключительных строк стихотворения:

Что пользы на могильный камень
Лить солнцу свой горячий луч? (21, 261).

Окончательный же текст последней строфы в публикации «Гражданина» от 11 июня 1873 г. (№ 24) создан на основе объединения ранней правки в московской записи:

¹³ Автографы стихотворений Л. Папковой, хранящиеся в ГБЛ в качестве дополнения к письму ее Достоевскому от 8 июля 1873 г., посыпались не в один, как указано в академическом издании (21, 511), а в два приема: «Вслед за мгновением мгновенье...» было приложено к письму, а уже напечатанное к этому моменту «Когда вокруг меня несется говор смутный...» (см. ниже) и «Ветер дует /, Жалобно свистя...» были отправлены ему раньше.

¹⁴ Первоначальный текст Л. Папковой:

Когда ты лжешь — не трать искусства,
Когда не лжешь — мне все равно:
Тобой осмеянное чувство
Давным давно склонено.

Напрасен взглядов жгучий пламень,
И сердца попусту не мучь...
Напрасно на надгробный камень
Порой льет солнце теплый луч.

¹⁵ ИРЛИ, № 29557.

Напрасен взглядов жгучий пламень...
Себя ты попусту не мучь:
Напрасно на могильный камень
Льет солнце свой горячий луч!

Стихотворение «Когда вокруг меня несется говор смутный...»¹⁶ было в значительной мере переработано Достоевским, который, как показывают многочисленные исправления, стремился усилить противопоставление лирической героини толпе, образнее оттенить ее одиночество. Начало варьировалось несколько раз:

Когда вокруг меня несется говор смутный
Бесчисленной толпы, [веселый] веселой и живой,
а. Я жгуче чувствую [сильней] себя такой чужой —
б. Я чувствую [сильней] с людьми себя такой чужой —
в. Я чувствую [сильней] себя [всегда] всему чужой —

В 5-й строке к эпитету «жгучею» подбирались другие: «завистливой», «злобною». Добиваясь простоты и в то же время экспрессивности поэтической речи, Достоевский наметил в последующих строках стихотворения некоторые смысловые и ритмические сдвиги и перевел повествовательную форму в вопросительную:

Зачем родного мне лица [в толпе] не вижу я,
[В толпе] Зачем я [всё] [здесь] всё одна, одна с моим
несчаст[ъем] [*нрзб*]
В минуту злобных дум, завистливой тоски
Зачем они нейдут ко мне с [своим] приветом,
Не спросят, что со мной, не жмут моей руки

Рядом с 8-й строкой начато еще «В минуты злобные», в 9-й над «они» поставлено «никто», а в конце к этой же строке присоединено два дополнительных варианта:

а. Никто из них нейдет ко мне [с своим] участьем
б. Зачем никто нейдет ко мне с своим *неоконч.*

(вместо «[с своим]» сбоку страницы приписано «с затверженным»).¹⁷ Эти изменения были окончательно закреплены Достоевским в печатном тексте «Гражданина» от 2 июля 1873 г. (№ 27), где стихотворению предпослано и соответствующее заглавие:

¹⁶ Первоначальный текст Л. Папковой:

Когда вокруг меня несется говор смутный
Бесчисленной толпы, веселый и живой,
Я чувствую сильней себя такой чужой —
Такой заброшенной, ненужной, бесприютной,

И жгучею тоской сожмется грудь моя;
Знакомого лица в толпе не вижу я,
В толпе я всё одна, одна с моим несчастьем!

В минуты черных дум, мучительной тоски
Никто не подойдет с приветливым участьем,
Не спросит, что с тобой и не пожмет руки.

¹⁷ ГБЛ, ф. 93.II.7.67.

Вопросы

Когда вокруг меня несется говор смутный
Бесчисленной толпы, веселый и живой,
Я горше чувствую себя всему чужой, —
Такой заброшенной, ненужной, бесприютной!
Завистливой тоской теснится грудь моя.
Зачем родного здесь лица не вижу я?
Зачем я всё одна как с вывеской несчастья?
В мгновенья злобные моей меж них тоски
Зачем никто из них не подойдет с участьем,
Не спросит: что со мной, и не пожмет руки?

Стихотворение фактически было перекомпоновано Достоевским заново. Очевидно, именно в пору работы над ним в записной тетради Достоевского — в соседстве с упоминанием номера «Московских ведомостей» от 20 июня 1873 г., — появилась заметка: «О стихах. Легче мыслить. Л. Папко» (21, 258).

Отредактировано было, вероятно, Достоевским и стихотворение биографа Лермонтова П. А. Висковатова «Ты моя радость, моя ты звезда». П. А. Висковатов, познакомившийся с Достоевским в начале 70-х гг. и приславший ему одним из первых, еще до окончания романа, 6 марта 1871 г. хвалебный отзыв о «Бесах»,¹⁸ с 1873 г. занял должность профессора Дерптского университета по кафедре русской словесности и бывал в Петербурге наездами. При встрече, должно быть, он и вручил Достоевскому свой лирический набросок. Стихотворение это, появившееся в «Гражданине» 28 мая 1873 г. (№ 22), вызвало иронический отклик рецензента «С.-Петербургских ведомостей» (подпись «Z»), который воспроизвел его в своем обзоре «Журналистики» как образец «конфетного стихотворства „Гражданина“».¹⁹ О том, что Достоевский сам не очень высоко расценивал подобные стихотворения, говорит составленный им в записной тетради проект «Следующего № (24)», в перечне содержания которого фигурируют «Стишки» (21, 261, 517). К разряду «стишков» он относил, по-видимому, не только стихотворения П. А. Висковатова и Л. Папковой, но в какой-то мере и стихотворения Вс. Соловьева и некоторые менее удачные стихотворения Вас. И. Немировича-Данченко (вроде сентиментального стихотворения «Пережитая ночь» из цикла «Мгновенья», напечатанного вместе со стихотворением Л. Папковой в упомянутом № 24), как правило, более своеобразные и профессиональные по уровню.

Вас. И. Немирович-Данченко, впоследствии автор многочисленных беллетристических произведений, демократических по направлению, не лишенных наблюдательности и живописности, но несколько поверхностных, начал печататься еще в ранней юности, в 60-х гг., на страницах мелких периодических изданий. Пройдя тяжелую школу петербургских мытарств, он был судим, лишен дворянских прав и сослан в 1869 г. в Архангельск. Там он слу-

¹⁸ ГБЛ, ф. 93.II.2.38.

¹⁹ С.-Петербургские ведомости, 1873, 16 июня, № 163.

жил по частному найму в канцелярии губернатора, собирая статистические данные о Севере и много путешествуя. Обобщая свои впечатления, он стал отправлять в Петербург в различные журналы и газеты очерки и корреспонденции, одна из которых привлекла внимание начальства, вызвала недовольство, а это привело к увольнению со службы и необходимости существовать только литературным трудом. Как поэта первым его поддержал Некрасов, опубликовав в 1871—1872 гг. в «Отечественных записках» под общим заглавием «Из песен о павших» сначала пять (1871, № 11), потом еще два его стихотворения (1872, № 2) о судьбе обездоленных, угнетенных обществом, «падших» людей.²⁰ Об отношении Достоевского к Вас. И. Немировичу-Данченко как литератору сохранились два противоречащих друг другу свидетельства. Князь В. П. Мещерский в своих мемуарах утверждает, что инициатива привлечения Немировича-Данченко в «Гражданин» еще в 1872 г. принадлежала Достоевскому, который «однажды» пришел и «с восторгом» сообщил «об очерках с севера некоего Немировича-Данченко». Повествуя далее о завязавшейся переписке с «талантливым автором» и совместных хлопотах об его участии, Мещерский отмечал: «Радость Достоевского, когда он нападал на след или на признаки таланта, была трогательна и характерна».²¹ За 1872 г. и в 1873 г., при Достоевском, в «Гражданине» были помещены корреспонденции и циклы «путевых очерков» Данченко «На развалинах Севастополя» (1872, № 6), «Очерки Севера» (1872, № 2, 3, 5, 10, 12, 15, 17, 21), «В Соловки» (1872, № 22, 23, 27, 28, 30), «На озере» («Легенда упраздненного скита»), «Из Архангельска. Несколько слов о спектаклях в Холмогорском уезде» (1873, № 15—16), «Неведомые пустыни («Новая земля» и «Остров Вайгач»)» (1873, № 15-16, 19, 38), а также три его «воскресных рассказа» (1872, № 33; 1873, № 4, 13). Позднее ряд этих публикаций вошли в отдельные книги очерков Немировича-Данченко, изданных в 1874—1875 гг., и были положительно оценены И. С. Тургеневым, А. М. Горьким и др. Неизвестно, можно ли верить Мещерскому: по записи метранпажа М. А. Александрова, Достоевский об уже печатавшихся в «Гражданине» очерках Немировича-Данченко отзывался неодобрительно: «...что вы находите хорошего, — говорил он, — в литературном произведении, где только и речи, что были мы там-то, потом поехали туда-то, там пробыли столько-то времени и видели то-то и прочее в таком роде, без идеи, даже без мысли».²² В письме от 16 октября 1873 г., извиняясь за привлечение «исключительного

²⁰ См.: Боград В. Э., Вильчинский В. П. «Песни о павших» Вас. Ив. Немировича-Данченко (эпизод из редакторской практики Некрасова). — В кн.: Некрасовский сборник. Л., 1967, т. 4, с. 207—213.

²¹ Мещерский В. П. Мои воспоминания. СПб., 1898, ч. 2, с. 177.

²² Федор Михайлович Достоевский в воспоминаниях типографского наборщика М. А. Александрова. Оттиск из «Русской старины», 1892. Апрель. С авторскими примечаниями. — ЦГАЛИ, ф. 212, оп. 1, ед. хр. 216 (см. также: Лит. наследство, 1971, т. 83, с. 340).

внимания» к своим находящимся в редакции «статьям», Немирович-Данченко напоминал Достоевскому, что живет «с семьей исключительно одною литературною работою» и просит Достоевского ускорить, «если возможно», их напечатание или «пометить в прилагаемом списке, какие статьи приняты, какие нет и последнее выслать» ему.²³ Однако после этого письма в «Гражданине» появился лишь один очерк Немировича-Данченко, и при том уже после того, как Достоевский сложил с себя обязанности редактора (в № 17 от 29 апреля 1874 г. — «Охота за яйцами морских птиц (Из мурманских впечатлений)»). Стихотворения же его печатались часто, с апреля 1873 по апрель 1874 г., до последнего подготовленного при Достоевском номера. Возможно, что поэтическому творчеству Немировича-Данченко Достоевский как редактор стал отдавать предпочтение перед его прозой и, зная о его тяжелом материальном положении, заботился о пересылке ему денег (см. ряд составленных Достоевским счетов, с такой, например, характерной пометой в одном из них: «Данченко за все...»).²⁴ Стихотворения Немировича-Данченко, опубликованные в «Гражданине», различны по своей значимости. Некоторые из них написаны в обобщенно-романтическом духе, как, например, упомянутые выше стихотворения «Пережитая ночь» и «На челюкне» из того же цикла «Мгновенья», или мелодраматически эффектны, как растянутое обличительное стихотворение «Капуцин», возбудившее, по всей вероятности, недовольство А. Н. Майкова, который писал А. Г. Достоевской: «Не забудьте сказать Федору Михайловичу, чтобы остановились печатать ту стихотворную воду, которая разлилась на 4-х страницах последнего „Гражданина“. Это невозможно!»²⁵ (дата не обозначена, год указан А. Г. Достоевской). Скорей всего письмо датируется серединой августа 1873 г., временем публикации «Капуцина» (№ 33), способного не только своим объемом — четыре колонки на трех страницах, но и содержанием вызвать отрицательную реакцию Майкова, которую вряд ли можно отнести к тоже большому по размеру стихотворению позднее известного своими талантливыми переводами поэта П. А. Козлова «Май», заключающему в себе динамичный драматизированный диалог между «поэтом» и его «музой» («Гражданин», 1873, 29 янв., № 5). Лучшие стихотворения Немировича-Данченко, такие как «Странник», «В горах», «Желание», «Родина», «Жена изгнанника», переводы с сербского, «Из путевого альбома. На Имандре» и другие, воспроизводящие картины северной и кавказской природы или посвященные темам странничества, изгнания, жизни народов Севера, порабощения славян, в которых звучали мотивы жажды «воли», движения, «бури» и сочувствия угнетенным и отверженным, продолжали начатую публикацией в «Отечественных записках» струю его по-

²³ ГБЛ, ф. 93.II.7.10.

²⁴ Лит. наследство, 1971, т. 83, с. 305.

²⁵ Лит. наследство, 1973, т. 86, с. 433.

этического творчества, развивавшегося в дальнейшем в русле традиции Некрасова.²⁶ Ряд наиболее характерных стихотворений Вас. И. Немировича-Данченко (в том числе «Желание») до сих пор включаются в хрестоматии, сборники и антологии демократической поэзии того времени.²⁷ Стих его, по словам современного исследователя, отличался «легкостью и силой поэтической речи и эмоциональной приподнятостью».²⁸ Достоевский, очевидно, не вносил в стихи Немировича-Данченко каких-либо исправлений.²⁹

В связи с редактированием Достоевским присыпаемых ему стихов необходимо остановиться еще на одном эпизоде, находящемся за пределами исполнения им этих обязанностей в «Гражданине». Среди многочисленных корреспондентов Достоевского, пробовавших свои силы в литературе и просивших у него совета, был и совсем безвестный начинающий любитель К. С. Константинов, который 12 октября 1877 г. (дата на почтовом штемпеле) сообщал о себе автору читаемого в ту пору повсеместно «Дневника писателя»: «Отец мой был бедным учителем; рано умерев, он оставил мне азбуку да еще два или три кое-каких руководства; с этим наследством вышел из меня честный ремесленник, — и это, конечно, слава богу, а еще больше слава богу за то, что я вижу в себе сильные задатки литературного таланта; но, зная, что человеку легко быть пристрастным к себе, я думаю: не заблуждаюсь ли я относительно себя? — Будьте так добры — не откажитесь быть моим судьею...»

Я не осмелился послать к Вам моих произведений с этим письмом, не испросив у Вас позволения на это».³⁰ На конверте письма К. С. Константина стоит помета Достоевского: «Ответил». Видимо, сразу же после ответа Достоевского Константинов выслал ему свою тетрадь со стихами (она не сохранилась), а 19 ноября вместе с новым письмом еще пять стихотворений, которые просил присоединить к ранее отправленным.³¹ На рукописях этих дошедших до нас пяти стихотворений Константина нет правки Достоевского, не нашедшего возможным их опубликовать. Но сохранились автографы еще трех стихотворений

²⁶ См.: Немирович-Данченко В. И. 1) Стихотворения. СПб., 1882; 2) Избранные стихотворения. М., 1893; 3) Стихи. 1863—1901. 2-е изд. СПб., 1902.

²⁷ См.: Русские поэты XIX века: Хрестоматия. 3-е изд. М., 1964, с. 829—830; Поэты-демократы 1870—1880-х годов. Л., 1968, с. 604—630 (Библиотека поэта. Большая серия); Поэзия Югославии в переводах русских поэтов. М., 1976, с. 53—54, 317.

²⁸ См.: Русские поэты XIX века, с. 829 (в пресамбуле Н. М. Гайденкова).

²⁹ Доказательством этого может служить отсутствие различий между публикациями «Гражданина» и текстами некоторых стихотворений, включенных из него в отдельные сборники, в то время как в стихотворениях, отредактированных Н. А. Некрасовым для «Отечественных записок», Вас. И. Немирович-Данченко при переиздании восстановил в большинстве случаев свой первоначальный текст (см. об этом: Некрасовский сборник, т. 4, с. 211).

³⁰ Вопр. лит., 1971, № 11, с. 205—206; полный текст письма см.: ИРЛИ, № 29745.

³¹ ЦГАЛИ, ф. 212.1.79.

К. С. Константинова «Осенние недуги» и «Жизнь без прикрас» (под этим названием объединены два стихотворения), два из которых, возможно, Достоевский все же пробовал подготовить к печати, так как на них есть его пометы. В стихотворении «Осенние недуги» он выровнял ритм одной из строк, исправил неловкий речевой оборот в другой («Давно соловьи замолчали» вместо «Уж петь соловьи перестали», «На дамских поношенных лицах» вместо «У дам на поношенных лицах») и исключил последнее четверостишие, где Константинов от более приемлемого для Достоевского описания прозы осенней природы и жизни переходил к воспеванию будущей весны.³² Из двух других стихотворений, озаглавленных «Жизнь без прикрас», в первом — «Когда еще детьми с тобой мы были...» — нет никакой правки. Скорей всего, Достоевский не собирался его воспроизводить и предпочел ему второе — «Да, милая, я долго помнить буду...», — в котором заменил спотыкающуюся концовку «О нет — мирясь в душе с моим страданьем, / Живу для ласки, для прощенья, для любви» более четкой и энергичной: «Нет, я живу одним моим страданьем... / Для ласки, для прощенья, для любви!». Стихотворения эти, судя по подписи А. Г. Достоевской на обложке, Достоевский, вероятно, намеревался передать в «Гражданин». Однако они там не появились.

Из сказанного можно заключить, что редакторская «воля» Достоевского выражалась, помимо участия в отборе стихотворений для журнала, также в исправлениях текстов начинающих поэтов, личность и стихи которых вызывали у него сочувствие. Что касается поэтов с уже определенно выявившейся индивидуальностью, таких, например, как Ф. И. Тютчев, П. А. Козлов, А. Н. Майков, то в их стихах Достоевский, по-видимому, не счел для себя возможным вмешиваться.

В. Д. РАК

**К ВОПРОСУ ОБ АВТОРСТВЕ ЧЕТВЕРОСТИШИЯ
В АПРЕЛЬСКОМ ВЫПУСКЕ «ДНЕВНИКА ПИСАТЕЛЯ» ЗА 1876 г.**

На обратной стороне отдельного небольшого листка, озаглавленного «Словечки» и содержащего черновые заметки к «Братьям

³² После пятой строфы:

О, птички, забавные птички!
Они рассудили отлично,
Что в наше практическое время
Им петь о любви не прилично... —

рукой Достоевского проставлена подпись (С. Константинов) и далее зачеркнуто:

Но, милые птички, я верю:
Наступит весна золотая —
И песнью любви вдохновенной
Зальются пернатые стаи.